

СТАТЬИ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРОДОВ В СВЕТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. В. СТАЛИНА О ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОЗНАНИИ

П. Третьяков

В своих произведениях, посвящённых вопросам языкознания, И. В. Сталин с предельной ясностью вскрыл пороки «нового учения о языке» Н. Я. Марра и дал новое, глубокое и всестороннее освещение марксистской теории языка. Советское языкознание получило незыблемую методологическую основу для своего дальнейшего развития; перед ним открылась широкая дорога и возможность занять первое место в мире. Выдающееся значение имеют произведения И. В. Сталина для развития всех других общественных наук: в них освещён ряд важнейших вопросов истории общества, они являются новым крупнейшим вкладом в теорию диалектического и исторического материализма.

Особенно велико значение новых произведений И. В. Сталина для тех отраслей исторической науки, которые тесно соприкасаются с языкознанием, пользуются его материалами и выводами, нередко решают те же, что и языкознание, или же смежные задачи. К таким отраслям науки относится, например, история культуры, литературы и искусства. Материалами языка постоянно пользуются специалисты в области истории идеологии — истории мышления, истории религии. Но, пожалуй, теснее всего связана с языкознанием и его материалами та область исторического знания, которая занимается одним из наиболее сложных вопросов древней и средневековой истории — происхождением и развитием народов, вопросом этногенеза.

Известно, что язык — один из важнейших признаков, определяющих род, племя, народность, нацию. Так, например, вопросы о том, как возникли и развивались славянские племена, как сложились из них средневековые славянские народы, на основе которых сформировались впоследствии русская, украинская, белорусская, польская, болгарская, чешская и другие славянские нации, — все эти вопросы не могут быть разрешены историками, археологами и этнографами без широкого привлечения данных языкознания. Более того, в ряде случаев именно языкознанию принадлежит здесь решающее слово.

В русской дореволюционной буржуазной науке вопросы этногенеза почти всецело принадлежали компетенции языковедов. Проблемой происхождения славян занимались Л. А. Погодин, А. И. Соболевский и особенно А. А. Шахматов. О происхождении угро-финских народов писали М. А. Кастрен, М. И. Веске и тот же А. А. Шахматов. Далёкому прошлому тюркских народов посвятили свои труды А. А. Куник, Н. И. Ашмарин и др.

К началу нынешнего столетия в европейской части нашей страны начал скапливаться археологический материал, проливающий некоторый свет на вопросы происхождения восточных славян. Работы В. В. Хвойко, Д. Я. Самоквасова, И. Е. Забелина, А. А. Спицына и других археологов

являлись, однако, лишь робкими попытками решения этих вопросов. А. А. Спицын, например, в своих археологических исследованиях отнюдь не шёл собственным путём: он стремился лишь подтвердить соображения акад. А. А. Шахматова¹.

После Великой Октябрьской социалистической революции во всех республиках Советского Союза развернулись большие исторические и археологические исследования. Поток нового материала принёс с собой замечательные и нередко неожиданные открытия в области древней и раннесредневековой истории нашей страны. Впервые стали известны древние цивилизации Закавказья и Средней Азии; стало возможным изучение древней и средневековой истории Поволжья, Приуралья, Сибири, Севера. Ряд интересных открытий был сделан и в западных областях Европейской части СССР, там, где расположена родина восточнославянских племён — предков русского, украинского и белорусского народов. Руководствуясь трудами классиков марксизма-ленинизма, советские историки и археологи проделали значительную работу по выяснению вопроса о том, из каких древних племён, когда и в какой исторической обстановке складывались средневековые народности, впоследствии развившиеся в нации, как объединялись их территории, как развивалась и укреплялась их экономическая база и культурная общность.

Иначе обстояло дело с исследованиями в области этногенеза по данному языку. Одним из показателей застоя и кризиса нашего языкознания являлось то, что за последние десятилетия языковеды почти не дали работ на исторические темы. Причина такого положения в настоящее время совершенно ясна. Она кроется в том, что многие языковеды не видели иного пути для своих историко-языковедческих штудий, кроме пути, указанного Н. Я. Марром, или же опасались идти другим путём в условиях того «аракчеевского режима», который господствовал в языковедческих учреждениях. В то же время путь Н. Я. Марра был глубоко порочным; «теория» Н. Я. Марра не поддавалась дальнейшей разработке, она была построена не на научном обобщении фактических данных, не на марксистской теории исторического процесса, а на ошибочных, вульгарно-материалистических или идеалистических представлениях её автора. Это неопровержимо доказано дискуссией по вопросам языкознания и прежде всего увенчанной эту дискуссию выступлениями И. В. Сталина.

Всё это выяснилось, однако, лишь в ходе дискуссии, после выступлений И. В. Сталина. До этого времени во всех тех случаях, когда представители исторических дисциплин стремились привлечь к своей работе данные языка, они обращались либо к историко-языковедческим работам буржуазных авторов, что по понятным причинам не могло их удовлетворить, либо же к сочинениям самого Н. Я. Марра, который много писал на исторические темы и высказал при этом немало, на первый взгляд, оригинальных и весьма «революционных» мыслей. В результате не критического отношения к сочинениям Н. Я. Марра, которые рассматривались как последнее слово в науке, его неправильные, немарксистские положения проникли в труды советских историков, занимающихся вопросами происхождения народов.

Речь идёт отнюдь не о том, что советские историки использовали те или иные отдельные выводы, соображения или наблюдения Н. Я. Марра из истории языка. Среди этих наблюдений и соображений имеется, вероятно, немало интересного. Ошибка историков, занимавшихся вопросами происхождения народов и использовавших сочинения акад. Марра,

¹ А. Спицын. Расселение древнерусских племён по археологическим данным. «Журнал министерства народного просвещения». Т. VIII за 1899 год.

состоит в том, что ими были некритически восприняты некоторые общие вульгарно-материалистические и идеалистические положения Н. Я. Марра, которые рассматривались в качестве марксистских, находящихся якобы в полном соответствии с трудами В. И. Ленина и И. В. Сталина по национальному вопросу.

Именно такая ошибочная оценка некоторых общих положений Н. Я. Марра была дана в работе автора этих строк, посвящённой вопросу о происхождении славян². Точно так же оценивали в своих работах взгляды Н. Я. Марра А. П. Окладников, М. И. Артамонов, В. В. Мавродин³ и многие другие историки и археологи. Большое место концепциям Н. Я. Марра уделяли в своих работах А. Д. Удальцов и С. П. Толстов⁴. Нельзя не назвать также и работ акад. Н. С. Державина, исходившего в вопросах этногенеза из ошибочных положений Н. Я. Марра⁵.

В передовой статье «Н. Я. Марр и изучение древней истории», помещённой в первом номере журнала «Вестник древней истории» за 1950 г., указывается, что теория Н. Я. Марра развивалась «на основе марксизма-ленинизма», что марровская «теория стадиальности и скрещённости языков, несомненно, открывает правильный, с точки зрения марксизма-ленинизма, путь к пониманию того, почему, например, существуют между греческим и латинским языками лексические сходства и расхождения», что взгляды Н. Я. Марра на вопросы происхождения языка основаны на положениях марксизма-ленинизма и т. д.⁶

Журнал «Вопросы истории» в 1950 г. опубликовал статью В. А. Миханковой, посвящённую взглядам Н. Я. Марра на историю культуры народов Кавказа и Закавказья. Статья написана в апологетическом тоне, она наделяет Н. Я. Марра непререкаемым авторитетом⁷.

Важнейшей задачей, вытекающей из указаний И. В. Сталина, является приближение языкознания к истории, установление тесного контакта языкознания с исторической наукой на основе марксистско-ленинской методологии. «Язык и законы его развития,— указывает И. В. Сталин,— можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁸.

Ближайшей задачей советских историков, занимающихся вопросами происхождения народов, является искоренение антимарксистских положений Н. Я. Марра, критический пересмотр своих трудов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании.

В настоящей статье автор поставил перед собой задачу разобрать некоторые важнейшие теоретические и фактические ошибки в области этногенеза, допущенные в работах советских историков, археологов и этнографов вследствие некритического отношения к взглядам акад. Н. Я. Марра.

² П. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 9—10. М. 1948.

³ А. Окладников. Н. Я. Марр и советская археология. Л. 1950; М. Артамонов. Предисловие к сборнику «Этногенез восточных славян». «Материалы и исследования по археологии СССР». Т. 6, стр. 7—8. 1941; его же. К вопросу об этногенезе в советской археологии. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», XXIХ, стр. 4, 6, 16. 1949; его же. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра. «Вестник Ленинградского университета» № 2 за 1947 г.; В. Мавродин. Древняя Русь, стр. 22—24. 1946.

⁴ А. Удальцов. Теоретические основы этногонических исследований. «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии. Т. I, № 6 за 1944 г.; его же. К вопросу о происхождении индоевропейцев. «Краткие сообщения Института этнографии», в. I, 1946 г., стр. 14; С. Толстов. Этнография и современность. «Советская этнография» № 1 за 1946 г., стр. 9.

⁵ Н. Державин. История Болгарии. Т. I, стр. 27 и др. 1945.

⁶ «Вестник древней истории». Т. I за 1950 г., стр. 5—6.

⁷ «Вопросы истории» № 2 за 1950 год.

⁸ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 18. Изд-во «Правда». 1950.

Коренной порок «учения» Н. Я. Марра заключался в том, что он рассматривал язык как надстройку над экономическим строем общества, что он «внес в языковедение неправильную, немарксистскую формулу насчет языка, как надстройки, и запутал себя, запутал языковедение»⁹. Из этой немарксистской формулы с неизбежностью вытекали другие принципиальные ошибки Н. Я. Марра — положение о классовости языка, «теория» стадияльного развития языка от одного качественного состояния к другому, путём революционных взрывов, скачков, третирование изучения групп (семей) языков. Всё это внесло серьёзную теоретическую путаницу в исследования о происхождении народов.

Основным источником путаницы в вопросах происхождения народов являлась марровская «теория» стадияльности. Считалось, что язык в ходе исторического процесса претерпевает качественные изменения, подобно тому, как старая надстройка в ходе исторического процесса сменяется новой. Отсюда следовало, что современным языкам и этническим группам — славянам, германцам, тюркам, иранцам и др. — со всеми присущими им национальными (раньше — племенными, народными) особенностями предшествовали другие языки и этнические группы. Переход от одного качественного состояния к другому изображался в виде скачка, взрыва. В этом усматривали диалектику развития языка и этнических групп.

Сколько-нибудь определённой картины стадияльного развития языка и этнических групп сочинения Н. Я. Марра, однако, не содержали. В одних случаях Н. Я. Марр говорил, что существующие ныне группы (семьи) языков отражают различные стадии языкотворческого процесса, причём высшую стадию составляют индоевропейские языки, а низшую — яфетические, в других случаях он писал, что яфетические языки непосредственно предшествовали индоевропейским, в третьих, — что они непосредственно предшествовали языкам всех других семей — индоевропейской, тюркской, семитической, угро-финской. В одних случаях возникновение индоевропейцев относилось Н. Я. Марром к весьма отдалённому времени — к эпохе распространения металлов, в других — яфетидами оказывались племена и народы, жившие на тысячелетия позднее этой эпохи, уже в период раннеклассового общества. Коренной порок взглядов Н. Я. Марра заключался в том, что они находились в вопиющем противоречии с историческими фактами, не отражали действительного исторического развития народов и языков, находились в противоречии с истинной стадияльностью исторического процесса — сменой общественно-экономических формаций.

Но все эти очевидные неясности и противоречия рассматривались последователями Н. Я. Марра как результат незавершённости «теории» стадияльности, как следствие того, что Н. Я. Марр не вышел в этом вопросе за пределы искания. Вместо того чтобы отбросить «теорию» стадияльности, как порочную, не оправдавшую себя гипотезу, последователи Н. Я. Марра, в том числе и историки, продолжали держаться за марровскую «теорию», пытаясь втиснуть этногонический процесс в её прокрустово ложе.

Наиболее последовательно применял в своих работах марровскую «теорию» стадияльности акад. Н. С. Державин. Не касаясь лингвистических работ акад. Н. С. Державина, в которых он широко применял также и «палеонтологический анализ», возьмём в качестве примера лишь одну из его последних работ, «Историю Болгарии», т. I, где речь идёт о происхождении дунайских болгар и где «теория» стадияльности получила отражение в наиболее яркой форме.

Как известно, территория Болгарии принадлежала некогда фракийским племенам. Начиная с первых веков н. э. из-за Дуная во Фракию не-

⁹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языковедения, стр. 28.

однократно проникали другие племена, в том числе и славянские, что было доказано ещё в 70-х гг. прошлого века М. С. Дриновым¹⁰. В VI и начале VII в., в период ожесточённой борьбы славян с Византией, произошло массовое переселение славянских племён на Балканский полуостров, в результате чего, как сообщает Константин Багрянородный, «вся провинция ославянилась». В VII в., на основании договора с местным населением, за Дунай продвинулась одна из болгарских орд во главе с Аспарухом, возглавившим впоследствии первое Болгарское государство. Потомки Аспаруха, как и все пришедшие с ним болгары, вскоре ославянились, и в современном болгарском языке не обнаруживается никаких следов тюркского языка древних болгар, что хорошо установлено работами Ст. Младова и других болгарских языковедов¹¹.

Как же изображает процесс болгарского этногенеза акад. Державин?

Славянской колонизации Балканского полуострова акад. Державин отводит в этом процессе второстепенное место. На первое же место он выдвигает «теорию» стадияльного перевоплощения фракийцев в славян, указывая, что фракийцы вместе со скифами и венедами входили в группу близких между собой племён — предков славян, стоящих на «яфетической стадии культурного развития». Эти племена древние авторы противопоставляли кельтам, германцам и сарматам¹².

Перелистаем несколько страниц «Истории Болгарии» и обратимся к вопросу об аспаруховых болгарях. Оказывается, это тоже яфетиды, «по своему происхождению они принадлежат к древнейшим доиндоевропейским народам на территории Восточной Европы, образуя собой народ одного круга с чувашами, сарматами, хорватами и хазарами, наиболее родственными этногонически с чувашами». В среде этого «народа» шёл процесс превращения его из яфетидов в индоевропейцев, и этот процесс привёл «массовый болгарский народ уже в историческое время к славянизации, в то время как верхи болгарского общества были приобщены к восточной культуре господствующих классов соседей — чувашей и хазар, что диктовалось общностью их хозяйственных и политических интересов»¹³.

Таким образом, у акад. Н. С. Державина оказывается, что в ходе этногонического процесса закономерно превратились в славян и фракийцы, близкие скифам и венедам, и приазовские болгары, близкие сарматам и чувашам. Высший же слой болгар стал тюркоязычным, ибо хозяйственно и политически он был связан якобы не столько со своими эксплуатируемыми классами, сколько с господствующими сословиями восточных соседей. Здесь нашла, следовательно, место и марровская «теория» классовости языка.

Что же представляла собой «яфетическая стадия культурного развития», с каким периодом исторического процесса она связывается, что обуславливало переход от яфетического состояния на следующую стадию? На все эти вопросы акад. Н. С. Державин никакого ответа не даёт и дать не может. Лишь в одном месте, там, где речь идёт о превращении фракийцев в славян, по этому поводу им высказано следующее предположение: «Трудно пока сказать с исчерпывающей определётельностью, что сыграло решающую роль и стимулировало в этнографической истории полуострова возникновение в среде его населения нового этнографического качества, т. е. появление на смену фракийцам славян. По всей вероятности, это был какой-то сложный комплекс обстоятельств, стоявших, быть может, в некоторой связи с римским завоеванием полу-

¹⁰ М. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами. М. 1873.

¹¹ S. Mladov. Vestiges de la langue de protobulgares touraniens d'Asparuch en bulgare moderne. «Revue des Etudes slaves». Vol. I. 1921.

¹² Н. Державин. История Болгарии. Т. I, стр. 70—71. М.-Л. 1945.

¹³ Там же, стр. 181.

острова. Во всяком случае, это был результат весьма существенного сдвига в области народного труда и производственных отношений, внесшего в патриархально-родовую жизнь массового населения полуострова основы новой техники и культуры... Сдвиг в жизни народов полуострова явился, надо полагать, в результате процесса разложения патриархально-родового строя и зарождения первых начатков феодальных отношений»¹⁴.

Нетрудно убедиться в том, что эта теория «превращения» фракийцев в славян не содержит в себе ничего, кроме путаницы, ибо такого процесса не было и быть не могло. Римское завоевание, как известно, захватило не только Балканский полуостров, но и многие другие области, где славяне, однако, не возникли. Во всех случаях римское завоевание влекло за собой отнюдь не славянизацию, а латинизацию завоеванных областей. Известно, что основные центры древнего славянства лежали за пределами областей, подчинённых Риму. Начало нашей эры ни в какой мере не было временем «зарождения первых начатков феодальных отношений» на Балканах. В этот период у фракийцев, как и у скифов, процесс классового образования шёл по пути возникновения рабовладельческого строя. Столь же нелепо рассматривать зарождение феодализма как причину «превращения» фракийцев в славян.

Несомненно, что единственной причиной славянизации Балкан явилось проникновение на полуостров большого числа славян и превращение их там в господствующую экономическую и политическую силу. В однородной славянской среде растворилось местное фракийское и иное население полуострова. Позднее в ней растворились также и пришельцы — болгары, говорившие на одном из древних тюркских языков.

Искусственная, вульгарно-материалистическая «теория» стадийности, как и иные немарксистские положения Н. Я. Марра, нашла отражение и в других работах акад. Н. С. Державина, в частности в его научно-популярной книжке «Происхождение русского народа», опубликованной в 1944 г. и получившей значительное распространение.

В работах акад. Н. С. Державина живая, конкретная история подмечена искусственно созданной мёртвой схемой. Такое «омертвление» истории было весьма нередким явлением в исторических и археологических работах 30-х годов. Примером может послужить нашумевшая в своё время статья В. И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья». В этой статье киммерийцы в результате стадийного скачка превращаются в скифов, скифы таким же путём — в готов, готы — в славян¹⁵. Применение марровской «теории» стадийности в этих работах может быть охарактеризовано как полностью некритическое. За последнее время у большинства историков и археологов, занимающихся вопросами этногенеза, наблюдалось стремление ввести в марровскую «теорию» значительные коррективы, которые позволили бы так или иначе примирить марровскую «теорию» стадийности с историческим процессом. При этом исходным материалом для исследования являлся не язык, а исторический, археологический и этнографический материал, отражающий изменения в области культуры. Но развитие культуры совершается иначе, чем развитие языка. «Ошибка наших товарищей, — указал И. В. Сталин, — состоит здесь в том, что они не видят разницы между культурой и языком и не понимают, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остается в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую»¹⁶.

¹⁴ Н. Державин. Указ. соч. Т. I, стр. 89.

¹⁵ «Известия Государственной академии истории материальной культуры». Т. XII, вып. 1—8. 1932.

¹⁶ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 18.

А. Д. Удадьцов, много работавший над вопросами этногенеза, полагал, что появление новых «этнических качеств» следует связывать с теми переломными, критическими периодами в истории племён и народов, «когда происходят коренные изменения в общественном строе и в идеологии»¹⁷.

Руководствуясь работами И. В. Сталина по национальному вопросу, А. Д. Удадьцов в качестве таких «переломных периодов» указывал период зарождения классового общества, когда из племён складывались народности, период образования буржуазных наций и, наконец, период их превращения в нации социалистические. К этим периодам А. Д. Удадьцов добавлял ещё один, наиболее ранний период — второе тысячелетие до н. э., — когда в Европе и Азии скотоводы отделились от общей массы варваров, когда появились первые металлы и наблюдался переход от материнского родового строя к отцовскому. С этим периодом, исходя из взглядов Н. Я. Марра, А. Д. Удадьцов связывал «возникновение новой стадии в развитии материальной и духовной культуры, а в языковом развитии — переход, повидимому, от яфетической стадии к индоевропейской на основе новых многочисленных языковых скрещений»¹⁸. В это же время, по мысли А. Д. Удадьцова, складываются и все другие существующие ныне языковые и этнические группы. «Яфетические племена с древней языковой общностью являлись основой процессов этногенеза не одних индоевропейцев, но и, например, хамито-семитов, а также урало-алтайцев»¹⁹.

В других местах у этого же автора, однако, оказывается, что процесс образования индоевропейцев развивался на территории Европы и Азии неравномерно. Кельты в конце первого тысячелетия до н. э. и германцы во времена Тацита ещё находились якобы в стадии превращения из яфетидов в индоевропейцев²⁰.

Таким образом, по мнению А. Д. Удадьцова, превращение яфетидов в индоевропейцев происходило и в первом периоде и во втором, а это значит, что попытка А. Д. Удадьцова совместить марровскую стадиальность с историческим процессом потерпела крах. Иначе не могло и быть, ибо нельзя совместить с марксизмом искусственную, порочную концепцию. Это, повидимому, ясно понимал и сам автор. Во всяком случае, в своих последующих работах он воздерживался от упоминания яфетической стадии и ввёл в употребление такие несовместимые с «теорией» стадиальности и забракованные в своё время Н. Я. Марром понятия, как протославяне, протогерманцы и т. д., для обозначения различных групп древних европейских племён²¹.

Автор настоящей статьи в своих работах, посвящённых вопросам происхождения славян и народов Поволжья, также пытался увязать марровскую стадиальность с основными этапами исторической жизни. Ссылаясь на Н. Я. Марра, он писал, что язык и другие культурные и этнические особенности развиваются не только «по горизонтали», в результате слияния, расчленения или воздействия друг на друга различных этнических групп, но и «по вертикали», из стадии в стадию. «Поэтому языкам и национальностям современной Европы предшествовали некогда совершенно иные языки и этнические образования, сменившие в свою очередь ещё более древние и примитивные языки и этнические группы»²².

¹⁷ А. Удадьцов. Теоретические основы этногических исследований. «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии, № 6, 1944, стр. 258.

¹⁸ А. Удадьцов. Указ соч., стр. 259; е го же. К вопросу о происхождении индоевропейцев. «Краткие сообщения Института этнографии», Т. I за 1946 г., стр. 16.

¹⁹ А. Удадьцов. К вопросу о происхождении индоевропейцев, стр. 18.

²⁰ Там же, стр. 16—17.

²¹ А. Удадьцов. Племена европейской Сарматии. «Советская этнография» № 2 за 1946 г., стр. 41 и сл.

²² Г. Третьяков. Указ соч., стр. 9.

Сказать что-либо определённое на основании своего материала о яфетической стадии автор не мог и поэтому не вводил в свои работы это марровское понятие.

В работе «Восточнославянские племена», опубликованной в 1948 г., автор намечал четыре группы древних племён Средней и Восточной Европы, составлявшие последовательные звенья одного процесса, завершившегося возникновением исторического славянства. Первую группу составляли древнейшие (III — начало II тысячелетия до н. э.) земледельческие племена Среднего Поднепровья, Поднестровья, поречья Дуная, Повисленья и бассейна Эльбы, связанные с древними культурами Передней и Южной Азии и обладавшие характерной культурой. Они рассматривались как древнейшие предки славянства. Во вторую группу включались земледельческо-скотоводческие племена II тысячелетия до н. э., возникшие на основе первых в эпоху распространения металлов. Третья группа объединяла земледельческие скифские, лужицкие и некоторые другие племена Средней и Восточной Европы I тысячелетия до н. э., знакомые с железом и плугом, достигшие последней ступени в развитии первобытно-общинного строя, составлявшие обширные политические объединения и экономически связанные с рабовладельческими государствами Средиземноморья и Причерноморья. Эти племена рассматривались как непосредственные предки славян. Наконец, последнюю группу составляли раннеславянские племена рубежа и первых пяти веков н. э., жившие в период распада первобытно-общинного строя, а также в ту пору, когда племена Европы начали своё историческое наступление на Римскую империю, получившее в старой литературе название «великого переселения народов». По сути дела, это было время, когда в Средней и Восточной Европе начали формироваться народы.

Такая концепция происхождения славян, начало которой было положено ещё на рубеже XX в. трудами В. В. Хвойко, Д. Я. Самоквасова, А. А. Спицына и др., над которой ныне трудятся многие советские, чехословацкие, польские и болгарские археологи и историки, представляется правильной, хотя она и нуждается, несомненно, в уточнениях и главное — в научном, марксистском обосновании. Задача заключается в том, чтобы показать, как, начиная с глубокой древности, постепенно, шаг за шагом, возникли славяне. Перед языковедами стоит задача — завершить эту картину, показать, как в среде этих племён развились и распространились славянские языки.

Исходя из взглядов Н. Я. Марра, автор, однако, полагал, что возникновение славян не могло обойтись без качественного скачка, без взрыва в развитии языка и этнического типа. Временем этого скачка, отделяющего славян от их предков, он считал рубеж нашей эры, когда порывающие с первобытно-общинным строем племена — предки славян — «в условиях насыщенной бурными событиями исторической обстановки Северного Причерноморья и Прикарпатья, подобно металлам, попавшим в один горн, мало-помалу создали новый, ранее неизвестный сплав — славянские племена»²³.

Необходимо признать, что изображением такого качественного скачка, отнюдь не основанного на фактических данных, а построенного исключительно исходя из требований порочной, немарксистской концепции Н. Я. Марра, автор нанёс серьёзный ущерб обрисованной выше разработке вопроса о происхождении славян.

Несколько иной взгляд на стадиальность и, в частности, особый взгляд на яфетидов был представлен в работах С. П. Толстова. Ссылаясь на Н. Я. Марра и говоря, что исчезновение одних этнических групп и появление на их месте других «отнюдь не является результатом только передвижений и взаимных столкновений метафизически всегда себе

²³ П. Третьяков. Указ. соч., стр. 56.

тождественных, замкнутых и развивающихся только внутри себя единиц лингвистической классификации» и что, «напротив, гораздо чаще это результат закономерной трансформации одних в другие», С. П. Толстов полагал, что яфетической стадии, как общей стадии в развитии всех языков мира, не было. Яфетиды, по его мнению,— это стадийные предшественники лишь индоевропейцев. При этом С. П. Толстов отделил «палеояфетические» языки от «неояфетических» (например, современный грузинский), которые стадиально соответствуют индоевропейским. Индоевропейские языки и этнические группы он подразделяет на палеоевропейские, образующиеся на основе яфетических в течение III и II тысячелетий до н. э., и на неоиндоевропейские — современные, возникшие на основе палеоиндоевропейских в течение второй половины I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э.²⁴

Здесь в концепции С. П. Толстова, построенной на основании опять-таки не столько языкового, сколько археологического и общен исторического материала, от марровской стадийности, собственно говоря, уже ничего не оставалось, кроме терминологии и ссылок на Н. Я. Марра. По сути дела, перед нами отнюдь не стадии, а условные этапы эволюционного процесса, начавшегося в позднем палеолите и раннем неолите («яфетиды»), продолжающегося во II и I тысячелетиях до н. э. («палеоиндоевропейцы») и закончившегося в начале н. э. («неоиндоевропейцы»). Но «марризм» — стремление во что бы то ни стало изобразить эти этапы как стадии — и здесь затемняет существо дела, искажает и запутывает истинную картину исторического и этногонического процесса.

Можно было бы привести ряд трудов других советских историков, предпринимавших попытки, каждый по-своему, применить марровскую «теорию» стадийности. Но и на основании приведённого материала вполне очевидно, что эта порочная, вульгарно-материалистическая «теория» во всех её противоречащих друг другу «разночтениях» не принесла исторической науке ничего, кроме путаницы. Она противоречит фактическим данным; опыты её применения сопровождалась насилием над этими данными. Все попытки примирить марровскую стадийность в развитии языка с этапами истории общества, установленными в трудах классиков марксизма-ленинизма, могли привести только к грубому искажению исторического и этногонического процессов.

И. В. Сталин указал, что одной из ошибок Н. Я. Марра была неправильная оценка роли скрещиваний в процессе развития языка. Скрещивания рассматривались Н. Я. Марром как одна из основных причин появления новых слов, грамматических форм и, наконец, новых языков, что происходило якобы путём скачка, взрыва. «Скрещивание языков,— указывал И. В. Сталин,— есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи». Скрещивание языков отнюдь не приводит к появлению нового языка, не похожего ни на один из скрещенных языков. В истории языков имело место не только скрещивание, но и дробление: «племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались»²⁵.

Теория скрещивания направляла внимание лингвистов преимущественно на изучение отдельных элементов в языках, принадлежащих к различным группам (семьям), а изучение групп родственных языков всячески третировалось, рассматривалось как проявление теории «праязыка». «А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языко-

²⁴ С. Толстов. Проблема происхождения индоевропейцев. «Краткие сообщения Института этнографии», в. 1, 1946 г., стр. 10—13.

²⁵ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24—25, 22.

вого родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка». Понятно, что «теория «праязыка» не имеет к этому делу никакого отношения»²⁶.

Ошибочные положения Н. Я. Марра, связанные с неправильной оценкой роли скрещиваний в процессе развития языка, сказались и на исторических исследованиях, посвящённых вопросам этногенеза.

Выше уже приводились выдержки из работ А. Д. Удальцова и автора настоящей статьи, в которых скрещивания в этническом развитии рассматривались как одно из условий стадияльного скачка. Возникновение славян, в частности, изображалось как результат кратковременно протекавшего скрещивания и одновременно качественного переоформления ряда древних племён Средней и Восточной Европы — предков славян. Такие же представления можно встретить в работах и других историков и археологов. «Лингвистическое учение Н. Я. Марра показало, — писал С. П. Толстов, — прежде всего несостоятельность самого представления об этногоническом и глотогоническом процессе, господствующего в индоевропейстике, противопоставив ему взгляд о ведущей роли социально обусловленного языкового скрещивания, приводящего к качественным трансформациям языков, и возникновения принципиально новых лингвистических общностей»²⁷.

Довольно широкое распространение имела и переоценка значения скрещиваний при одновременной недооценке роли дробления и расхождения родственных племён, что приводило к одностороннему, неправильному изображению общей картины этногонического процесса.

Ошибочность этих положений несомненна, и нет необходимости на них останавливаться. Но необходимо обратить особое внимание на ошибочный, неисторический и немарксистский подход к значению скрещиваний, на неправильное понимание их роли на разных этапах этногонического процесса, в чём, как нам кажется, оказались повинными буквально все историки, занимавшиеся вопросами происхождения народов.

Как уже было указано, Н. Я. Марр в своих сочинениях исходил отнюдь не из марксистских представлений об историческом процессе. Говоря о различных племенах и народах, о развитии их языков и о процессах скрещивания, он отнюдь не принимал во внимание, с какой степенью общественного развития имеет дело — с первобытно-общинным, рабовладельческим, феодальным или капиталистическим строем. Для него существовали, по сути дела, лишь яфетиды и неяфетиды, а также ещё более неопределённое понятие — «классы», являвшиеся якобы носителями особых языков.

Подобные же взгляды имели место и в трудах историков. Правда, нельзя сказать, что они смешивали между собой социально-экономические формации и такие категории, как род, племя, народность, нация, соответствующие определённым ступеням социально-экономического развития. В этногоническом процессе историки и археологи особо выделяли периоды, когда скрещивание, дробление и расхождение племён и народов протекали наиболее интенсивно. Было известно также, что накануне возникновения классового общества, когда складывались народности, значительное распространение получали межплеменные языки, развивавшиеся на основе языка одного из объединённых в союз, большей частью родственных племён или языка господствующего племени — объединителя и завоевателя, а из межплеменных языков возникали обычно языки народностей и т. д. Несмотря на всё это, в работах историков не было чёткого представления о том, что в разные исторические периоды глотогонический и этногонический процессы имеют различные

²⁶ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 28.

²⁷ С. Толстов. «Нарцы» и «волхи» на Дунае. «Советская этнография» № 2 за 1948 г., стр. 10.

формы. Поэтому для правильного понимания природы этногонического процесса являются особенно важными указания И. В. Сталина, сделанные им по поводу характера скрещиваний языков в работе «Относительно марксизма в языкознании» и в ответе товарищу А. Холопову, а также ещё раньше — в работе «Национальный вопрос и ленинизм».

Говоря о скрещивании языков в период классового общества, И. В. Сталин указал, что в этом случае «один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»²⁸. Для классового общества — капиталистического, феодального, рабовладельческого, — а также, как нам представляется, для последней ступени в развитии первобытно-общинного строя, когда подчинение и порабощение одних племён другими было обычным явлением, результатом скрещивания было «не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков»²⁹, ассимиляция одних и победа других племён или народностей.

Особенно энергично протекал этот процесс в эпоху раннеклассового общества, до возникновения национальностей и национальных языков, до упращения народностей и их языков. Достаточно указать хотя бы, как в I тысячелетии н. э. в течение всего лишь нескольких столетий по широким пространствам степей Азии и Европы, населённым разноязычными племенами, в результате экспансии тюркских племён и народностей распространился тюркский язык. Точно так же среди разноязычного населения римских провинций распространилась в своё время народная латынь. В течение I тысячелетия н. э. ряд не только мелких, но и значительных племён и народностей Европы вместе со своими языками навсегда исчезли, были поглощены и ассимилированы своими соседями. Так, в состав восточных славян в этот период вошло значительное число неславянских племён Поволжья, Севера, Прибалтики и Причерноморья — мурома, меря, весь, ряд чудских племён, несколько тюркоязычных степных племён, — вклад которых в состав восточнославянских языков, если не считать топонимики — названий рек, озёр, урочищ, — оказался настолько незначительным, что лингвисты и этнографы так и не могут решить, в чём же именно этот вклад заключается.

В эпоху позднего феодализма, когда народности и их языки значительно окрепли, и в период капитализма, когда возникли нации и национальные языки, факты ассимиляции стали относительно редким явлением, несмотря на то, что политика ассимиляции сохранилась и крупные капиталистические хищники всячески стремятся подавить экономическую самостоятельность и национальную культуру более слабых народностей и наций. В своей работе «Национальный вопрос и ленинизм» И. В. Сталин писал, что «нации и национальные языки отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции. Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, — сотни лет терзали и калечили балканские нации, но они не только не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать. Царско-русские руссификаторы и немецко-прусские германизаторы, мало чем уступавшие в жестокости турецким ассимиляторам, более ста лет кромсали и терзали польскую нацию, так же как персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации, но они не только не добились уничтожения этих наций, а — наоборот — оказались вынужденными также капитулировать»³⁰. Эту же мысль, говоря об устойчивости нацио-

²⁸ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

²⁹ Там же, стр. 46.

³⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 347—348.

нального языка, И. В. Сталин подчёркивает в работе «Относительно марксизма в языкознании»³¹.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в нашей стране открыли новую эру в развитии наций — эру социалистических наций, взаимоотношения между которыми, основанные на принципах ленинско-сталинской национальной политики, проникнуты духом взаимного уважения, нерушимой дружбы и тесного сотрудничества. «Политика ассимиляции,— указывает И. В. Сталин,— безусловно исключается из арсенала марксизма-ленинизма, как политика антинародная, контрреволюционная, как политика пагубная»³². В Советском Союзе наблюдается укрепление, рост и расцвет всех советских социалистических наций, являющихся «гораздо более сплочёнными, чем любая буржуазная нация, ибо они свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации, и являются гораздо более общенародными, чем любая буржуазная нация»³³.

И. В. Сталин нарисовал величественную картину будущности нации и национальных языков после победы социализма в мировом масштабе, «когда мирового империализма не будет уже в наличии, эксплуататорские классы будут низвергнуты, национальный и колониальный гнёт будет ликвидирован, национальная обособленность и взаимное недоверие наций будут заменены взаимным доверием и сближением наций, национальное равноправие будет претворено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована, сотрудничество наций будет налажено, а национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества». В этих условиях будут выделяться сначала наиболее развитые, наиболее обогащённые зональные языки, которые впоследствии сольются в единый международный язык, «который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков»³⁴.

Таким образом, ассимиляция племён и народностей и их языков в период возникновения и развития народностей, упорное противодействие ассимиляции буржуазных наций, отсутствие ассимиляции, подъём и расцвет наций и их языков в период социализма, постепенное слияние наций и возникновение единого мирового языка после победы социализма в мировом масштабе — вот картина одной из сторон конкретно-исторического развития племён, народностей и наций, которая не была ясна до произведений И. В. Сталина.

Возвращаясь к нашей теме — к вопросу о происхождении этнических групп, — важно выяснить, как же обстояло дело в этом отношении в эпоху первобытно-общинного строя, когда люди составляли такие этнографические общности, как род и племя, и когда лишь закладывались основы современных языков?

Данные этнографии свидетельствуют, что в эту эпоху этногонический процесс имел свои особенности. В более ранний период, когда экономические и иные связи между родами и племенами отсутствовали или же были очень слабыми, скрещивание и ассимиляция были, повидимому, редким явлением. В результате роста населения, при дроблении племён, создавались новые диалекты, которые в некоторых случаях ложились в основу новых языков. Классическим примером является изученное Л. Морганом ирокезское племя Сенека, состоявшее ранее из двух родов, а затем разросшееся до восьми родов, объединённых в две фратрии и говоривших на разных диалектах. Может быть, результатом естественного роста древнего племени являлась и вся ирокезская федерация, со-

³¹ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21.

³² И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 347.

³³ Там же, стр. 341.

³⁴ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 46—47.

стоявшая из пяти племён, говоривших на родственных языках. В более позднее время, когда появились скотоводство, земледелие и металлургия, экономические и иные связи между племенами стали играть в их развитии значительную роль. В этих условиях в течение многих тысячелетий соседние племена так или иначе обменивались опытом, совместно создавая новые орудия труда, осваивая новые виды домашних животных, новые формы земледелия и т. д. Развитие языка в этих условиях также не замыкалось, повидимому, в рамках племени: при соответствующей исторической обстановке, в результате тысячелетнего общения языки создавались группами соседних, по тем или иным причинам связанных друг с другом племён. В тех случаях, когда происходило передвижение племён и проникновение иноземного племени в однородную по языку группу, оно в течение последующих столетий мало-помалу подвергалось ассимиляции.

Вопрос о путях и формах этногонического и глотогонического процесса в эпоху первобытно-общинного строя, когда, как указал И. В. Сталин, были заложены элементы современного языка является очень важным. Он должен привлечь к себе внимание языковедов и этнографов. Без его разрешения нельзя установить, как возникли современные этнические группы — славяне, германцы, грузины, армяне, составившие ещё при первобытно-общинном строе обширнейшие группы племён. Без его разрешения нельзя установить, откуда берут начало такие языковые группы, как индоевропейская, тюркская, угро-финская и другие, оценка которых в буржуазной науке представляет собой, как известно, не более чем расистскую фальсификацию, а в сочинениях Н. Я. Марра — путаницу.

И. В. Сталин, указывая, что язык как средство общения людей всегда был общим и единым для данного народа, всех его классов, остановился на характере великих государств древности: «Я имею здесь в виду не империи рабского и средневекового периодов, скажем, империю Кира и Александра Великого, или империю Цезаря и Карла Великого, которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»³⁵.

Данная характеристика великих государств далёкого прошлого является чрезвычайно важной для правильного освещения процессов происхождения и развития народов. Несмотря на то, что И. В. Сталин уже останавливался на этой теме в своём произведении «Марксизм и национальный вопрос»³⁶, в трудах на данную тему допускаются значительные ошибки. Древние государства, подобные или близкие перечисленным выше, в трудах историков нередко наделяются чертами чуть ли не национальных государств; их историей заслоняется история племён и народностей, входивших в состав этих государств; от этих государств, а не от отдельных племён и народностей ведётся начало современных национальностей.

Это относится не только к империям Кира или Александра Великого, но и к таким государствам Средней Азии, как Греко-Бактрийское царство, Кушанское царство, Парфянское государство и другие.

Если мы обратимся к учебнику по истории СССР для высших учебных заведений или к курсу истории государства и права, составленному проф. С. В. Юшковым, а также и другим работам обобщающего характера, то нетрудно будет убедиться, что история этих государств, быстро возникав-

³⁵ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 10.

³⁶ И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2, стр. 290—367.

щих, обычно кратковременно существовавших и так же быстро распадавшихся, совершенно заслоняет от читателя жизнь и историю племён и народов, входивших в состав этих государств³⁷. К этому следует ещё прибавить, что в упомянутой книге проф. Юшкова имеется ряд явных несуразностей. Большую часть древнейших государств территории СССР он определяет как дофеодалные. Он пишет, что в VI в. до н. э. отношения между древней Арменией и покорившим её царством Кира «были основаны на сюзеренитете-вассалитете», что в I—III веках н. э. «феодалный уклад в системе производственных отношений Армении стал превращаться в господствующий способ производства. Армянское общество делается феодальным, а Армянское государство превращается в феодальную монархию раннего типа». В Средней Азии в период державы Сасанидов черты рабовладельческого строя уже были изжиты, и здесь стали развиваться феодальные отношения и т. д.³⁸. Не приходится говорить о том, что изображение царя Кира в виде сюзерена и все другие попытки отнести возникновение феодальных отношений в Закавказье и Средней Азии к рубежу нашей эры являются не чем иным, как модернизацией древних государств, результатом непонимания их характера. Правы, несомненно, авторы «Истории народов Узбекистана», «Истории таджикского народа», «Истории Грузии», «Истории армянского народа», относящие начало развития феодальных отношений в Средней Азии и Закавказье к середине I тысячелетия н. э.³⁹.

Нам представляется также, что значительных уточнений требует и характеристика государства Урарту, в частности, вопрос о месте этого государства в древнейшей истории Грузии и Армении, который, как известно, вызвал среди некоторых грузинских и армянских историков значительные разногласия, которые до сих пор не разрешены.

Замечания И. В. Сталина о великих государствах древности имеют ближайшее отношение, по нашему мнению, ещё к одному государству, значение которого в истории нашей страны далеко не выяснено. Речь идёт о скифском государстве — одном из древнейших государств на территории Восточной Европы.

Известно, что во времена Геродота, в середине I тысячелетия до н. э., племена Северного Причерноморья были объединены в обширный союз, во главе которого стояли приазовские «царские» скифы. Около III в. до н. э. у скифов Приазовья и Нижнего Приднепровья мало-помалу сложились классовое общество рабовладельческого облика и примитивное государство с центром в Неаполе Скифском, в Крыму⁴⁰. В состав Скифии входили различные кочевнические и земледельческие племена, имевшие неодинаковое происхождение. Скифия являлась, несомненно, конгломератом племён, хотя и не таким пёстрым, как, скажем, империя Кира, включавшая в свои границы огромные пространства и многочисленные племена и народности.

Западную часть Скифии занимали земледельческие племена, известные под общим именем скелотов. Исследования последних десятилетий полностью подтвердили высказанную уже давно мысль, что скелоты являлись предками восточных славян — «протославянами»⁴¹. Можно предполагать, что они говорили и на соответствующем языке.

³⁷ «История СССР». Т. I, стр. 25 и сл., изд. 2-е. 1947; С. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1-я, стр. 22 и сл. М. 1947.

³⁸ С. Юшков. Указ. соч., стр. 26, 29, 50.

³⁹ «История народов Узбекистана». Т. I. Ташкент. 1949; Б. Гафуров. История таджикского народа. Т. I. М. 1949; «История Грузии». Т. I. 1946 г.; «История армянского народа», ч. 1-я. Ереван. 1950 (на правах рукописи, изд. Института истории Академии наук Армянской ССР).

⁴⁰ М. Артамонов. Скифское царство в Крыму. «Вестник Ленинградского университета» № 8 за 1948 г., стр. 77.

⁴¹ А. Удальцов. Проблема происхождения славян в свете современной археологии. «Вопросы истории» № 2 за 1949 г., стр. 17.

Восточную часть Скифии занимали преимущественно скотоводческие, собственно скифские племена, составлявшие западную часть огромного массива кочевников, простиравшегося далеко на восток, за Волгу, в степи Средней Азии. Кочевники играли главную роль в политической жизни Скифии, они представляли Скифию перед внешним миром, благодаря чему сохранилось некоторое число скифских слов, не оставляющих сомнения относительно принадлежности скифского языка к иранской группе. Впоследствии ираноязычные кочевнические племена Средней Азии, Заволжья и Северного Причерноморья были ассимилированы тюрками — вошли в состав гуннских, аварских, болгарских союзов племён. Скифо-сарматский язык, как показал ещё В. С. Миллер, сохранился лишь в горах Северного Кавказа в языке осетин⁴², которые не только в языке, но и в своём замечательном нартском эпосе сохранили черты скифской старины.

Вопреки такому, казалось бы, единственно правильному решению скифского вопроса некоторые историки стремятся изобразить Скифию как нечто монолитное и рассматривают как предков славян все без исключения скифские племена, как западные, так и восточные, а скифское государство в Крыму — чуть ли не как начало славянской государственности.

С такими утверждениями за последнее время выступает С. В. Юшков. Он говорит об особой прочности скифского, по его мнению, дофеодального, государства, которая проявилась якобы «во время нападения на скифскую державу персидского царя Дария (513 г. до н. э.) с огромным войском, оснащённым высокой по тому времени военной техникой». Скифов он нередко называет народом, хотя и говорит о различных племенах. Он пишет, что восточное славянство унаследовало от скифов многие элементы культуры и государственности⁴³. Подобные же соображения высказывают П. Н. Шульц⁴⁴ и некоторые крымские и украинские археологи.

Возможно, что источником таких представлений о Скифии являются труды некоторых дореволюционных учёных, например, И. Е. Забелина и Д. Иловайского; но главным вдохновителем указанных историков и археологов являлся, несомненно, Н. Я. Марр, много занимавшийся скифскими проблемами, в частности скифо-славянскими генетическими связями, и в своих сочинениях неправильно рассматривавший скифский мир как единое «яфетическое» целое, с высшими слоями, подвергшимися иранизации.

Неправильную характеристику в нашей исторической литературе получили также и некоторые раннесредневековые государства, подобные государству Карла Великого.

Трудно, например, согласиться с казахскими историками — авторами первого тома «Истории Казахской ССР», — когда они, говоря о возникновении Тюркского каганата VI—VIII вв. и характеризуя его как дофеодальное государство, изображают его, по сути дела, в виде национального государства с единой культурой⁴⁵. В состав каганата, как известно, входили самые различные и при этом разноязычные племена, подчинённые тюркам силой оружия. В городах Семиречья звучала разная речь, там жили согдийцы, китайцы, сирийцы и представители других народностей, а не только тюркские племена⁴⁶. В своё время националистическая легенда о государстве древних тюрков была создана пантюркистами, и возродить её в какой бы то ни было форме нет никаких оснований.

В трудах некоторых татарских и чувашских историков неправильное

⁴² В. С. Миллер. Осетинские этюды, I—III. М. 1881—1887; см. также В. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. I. 1949.

⁴³ С. Юшков. История государства и права СССР. Ч. I-я, стр. 23—25; его же. Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 36—37. М. 1949.

⁴⁴ П. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского. Общее собрание АН СССР 10—13 июня 1947 г. «Известия АН СССР», 1948.

⁴⁵ «История Казахской ССР». Т. I. 1949.

⁴⁶ С. Киселёв. Древняя история Сибири. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 9 за 1949 г., стр. 273 и сл.; А. Бернштам. Чуйская долина. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 14 за 1950 г., стр. 71 и сл.

освещение получает Волжская Болгария, в результате чего между татарскими и чувашскими историками возникли разногласия по вопросу о «дележе» болгарского наследства.

Волжская Болгария явилась дофеодалным государством своеобразного облика. В её состав входил ряд волго-камских племён, подчинённых завоевателями-болгарами, пришедшими из приазовских степей. Города Болгарии являлись крупными рынками, связывавшими Русь, Балтику и Север с Нижним Поволжьем и Средней Азией. Племена, входившие в состав Болгарии, как тюркоязычные (предки чувашей, татар, буртасы и др.), так и не тюркоязычные (предки удмуртов, марийцев, мордвы), полностью сохраняли свой образ жизни, за исключением лишь некоторых областей, где находились земельные владения болгарской знати. В городах Болгарии, кроме болгар и представителей местных племён, жили славяне, хазары, кипчаки, хорезмийцы и т. д. Понятно, что болгарское наследство не может принадлежать какому-либо одному из современных народов, подобно тому, как наследство Киевской Руси принадлежит в одинаковой мере и русскому, и украинскому, и белорусскому народам.

Тем не менее некоторые татарские историки и лингвисты обнаруживают недвусмысленную тенденцию забрать себе всё болгарское наследство, объявить татар прямыми и единственными потомками волжских болгар. Такую же тенденцию обнаруживают некоторые чувашские историки, следующие за своим крупным буржуазным историком и лингвистом Н. И. Ашмаринным, который утверждал, что чуваша — это болгары. Нельзя считать удачной также и появившуюся за последнее время теорию, рассматривающую татар как потомков болгар, а чувашей — как потомков суваров — одного из близких к болгарам племён⁴⁷. Процесс возникновения татарского и чувашского народов был, несомненно, более сложным. Они развились прежде всего на основе местных древних тюркоязычных племён лишь с участием пришельцев болгар и суваров. Для того чтобы разрешить вопросы происхождения чувашского и татарского народов, нужно покончить со взглядом на Волжскую Болгарию как на что-то единое и тщательно исследовать историю входивших в её состав древних племён, имевших свою экономическую базу и свои языки.

Мы остановились здесь лишь на трёх вопросах — на ошибках в трудах советских историков, явившихся следствием некритического усвоения марровской «теории» стадильности, на ошибках, связанных с неправильным пониманием роли и характера скрещиваний в этногоническом процессе, и на некоторых неправильных оценках древних государств. В качестве материала автор смог использовать и назвать здесь лишь незначительную долю тех трудов советских историков, археологов и этнографов, в которых представлены указанные выше ошибки, рассматривая настоящую статью как начало той большой и ответственной работы по критическому пересмотру трудов, посвящённых вопросам происхождения народов, которую предстоит сделать в ближайшее время.

В произведениях И. В. Сталина, посвящённых языку и языкознанию, исчерпывающее освещение получили все важнейшие вопросы истории языка и этнических общностей — вопросы о связи языка с историей общества, с историей таких общностей, как род, племя, народность, нация буржуазная, нация социалистическая. В них дан образец того, как нужно по-марксистски подходить к решению всех этих вопросов. Тем самым перед историками, занимающимися происхождением народов, раскрываются самые широкие возможности, чтобы изжить ошибки, связанные с концепциями Н. Я. Марра, и на основе теории марксизма-ленинизма, замечательным вкладом в которую явились произведения И. В. Сталина о языке и языкознании, дать полноценные научные исследования.

⁴⁷ Сборник «Происхождение казанских татар». Казань. 1948.